

МЕРИ ЛИ

ОН СВЕДЁТ ИХ
С УМА

ТУМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Туман

Мери Ли

Туман.

«Автор»

2022

Мери Ли

Туман. / Мери Ли — «Автор», 2022 — (Туман)

Как вы думаете, сколько времени нужно на то, чтобы мир пал? Чтобы ваши дружелюбные и приветливые соседи стали отвратительными и беспощадными монстрами? Чтобы улыбчивые дети забыли, что такое радость, и с каждым вдохом ожидали ужаса, ледящего в венах кровь? Чтобы вы в себе наглухо похоронили всё светлое и нежное? А на смену этому пришло темное и безжалостное? Надеюсь, вы никогда не узнаете ответов на эти вопросы. Мне же не посчастливилось! Моя семья оказалась в эпицентре хаоса, мрака и ранее неизвестного миру тумана. А я? Что я? Буду бороться, пока моё сердце не перестанет биться... Содержит нецензурную брань.

© Мери Ли, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мери Ли Туман

Глава первая

Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, что такое счастье? На протяжении последних двух лет я часто спрашиваю сама у себя: Алекс, счастлива ли ты сегодня? И вроде бы подобного рода сомнения не должны меня интересовать в возрасте семнадцати лет, но я не могу избавиться от постоянного непонимания своего внутреннего мира.

До пятнадцати лет я жила идеальной, сытой и лучезарной жизнью. У меня была полноценная семья. Я, мама, папа и моя младшая сестра Лекса. Я была одной из самых популярных девчонок в престижной школе, друзей была куча, знакомых, которые мечтали со мной общаться и войти в мой близкий круг, ещё больше. Парни вились вокруг меня, но только лишь одному удалось запудрить мне мозги. Об этом даже вспоминать не хочу, но периодически мысли об Энди Крейге всплывают в моей голове. А всплывают они потому, что то, чем он является, не тонет, даже в мыслях.

Но в один момент моя прежняя жизнь закончилась.

Прекрасно помню тот вечер. Я собиралась на очередную вечеринку у Бритни, Лекса лежала на моей кровати и листала уже третий по счету модный журнал. Мама была на первом этаже, не знаю, что она делала, но скорее всего давала нагоняй нашей горничной, которая всё чаще и чаще стала халтурить. Папа приехал в начале девятого и сразу же собрал всех нас в огромной гостиной, которая больше походила на один из залов музея. Кругом мрамор светлых тонов, даже три статуи стояли в ряд недалеко от большого панорамного окна.

Папа посмотрел маме в глаза и сказал, что уходит из семьи. Мама было хотела что-то ему ответить, но всего два его слова заставили мою дорогую маму замолчать на две недели. Папа сказал: я знаю. После он повернулся к нам с Лексой и сообщил, что Лекса останется жить с ним, а я с мамой. В тот день я последний раз видела отца без адвоката. Он не разговаривал со мной, не смотрел в мою сторону, даже когда я молила его об этом.

Так я потеряла самого дорогого мне человека. Двоих самых дорогих людей. Папу и сестру.

Мы с мамой съехали, да так далеко, что теперь между нами и бывшим домом три штата.

Было сложно. Настолько, что я не знала, как мне жить. Сказочная жизнь в одночасье сменилась на убогий район одного из самых бедных городов нового штата. Все мои друзья и знакомые моментально отвернулись от меня и только спустя три месяца после того, как мы съехали, я поняла, не Алекс Брукс была нужна этим пижонам, а мой статус, деньги, привилегии. Я лишилась этого и осталась одна. Для меня это была потеря, и на тот момент я думала, что жизнь закончена, но нет. Этот период оказалось самым простым. Потерять всё легко, а вот добиться чего-то на новом месте, где совершенно другой менталитет и законы взаимодействия между людьми, оказалось в разы сложнее.

Отчасти я справилась.

Отчасти.

В тот вечер, когда папа сказал о разводе, я словно наступила в топь и как бы не барахта-лась, я все равно ухожу ко дну. Счастье стало для меня эфемерным призраком, за которым я тянусь день ото дня, но никак не могу за него основательно ухватиться.

Боже, как всё уныло.

Вы не подумайте, я бываю счастлива, спустя два года, море пролитых слёз и замены любви на ненависть к отцу и сестре, я научилась жить в дыре под названием Дрим Сити. Я уверена, что испытываю счастье и единение сама с собой, когда я иду в клуб к Билли и закрываюсь в своей

каморке, подготавливаю стол и чернила перед очередным клиентом. Я определённо счастлива, когда готовлю эскиз и набиваю очередное тату. В такие моменты я ощущаю себя цельной и важной. Словно я делаю то, ради чего вообще была рождена. Но потом я снова возвращаюсь домой. А там меня ждёт, хотя навряд ли она меня ждет, мама. Без папы и Лексы наша жизнь стала пустой и безрадостной. Семья – это больше не оплот тепла и ласки, а место, где можно переждать ночь и снова свалить куда подальше.

Родители развелись два года назад, мама и папа судились за право воспитания моей младшей сестры Лексы, папа выиграл, но каждый месяц Лекса приезжает к нам на четыре дня. И только в эти четыре дня мама снова становится прежней, чуткой и заботливой, вот только эта забота никаким образом не задевает меня. Все эти дары мама преподносит только Лексе. А я... что я? Я переехала на задний план и стала запасным вариантом, которым пользоваться никто из родителей не желает.

– Алекс? Ты чего притихла? – спрашивает меня Лари и толкает в бок.

Толкаю его в ответ и снова устремляю взгляд на свой город. Мы постоянно зависаем на крыше здания, в котором я подрабатываю тату-мастером. И не стоит удивляться, что в семнадцать меня пустили в стрип-бар, которым уже больше тридцати лет заправляет старина Билли. Он знал одного из дружков мамы, и когда я пришла к нему, он задал мне лишь один вопрос, смогу ли я совмещать учебу и подработку. Я ответила: да, но он до сих пор не знает, что я уже шесть месяцев не учусь в колледже. Родители не проплатили учебу, и меня выперли. Ни папа, ни мама так и не удосужились спросить у меня, какого хрена я не хожу в колледж. А я не считаю нужным говорить им об этом сама. И где-то в глубине души, жду и надеюсь, что хоть кто-то из них, а точнее мама обратит внимание и спросит: Алекс, девочка моя, что там с колледжем, как твои успехи?

Да плевать. Я приспособилась к Дрим Сити, а значит и к остальному дерьму я уже готова.

– Лекса приезжает, – говорю я Лари, и он тут же поджигает губы.

– Это ненадолго, – напоминает он.

Мои губы трогает слабая улыбка. В этом весь Лари, иногда, когда я думаю, что весь мир против меня, я всегда могу обратиться к Лари, и он поддержит. Мой друг встанет против любого, лишь бы поддержать меня.

Лари – это лучшее, что могло когда-либо появиться во всём Дрим Сити.

– Четыре дня, это долго, – говорю я и отпиваю глоток колы.

– Вовсе нет.

– Я не могу смотреть, как они будут лебезить друг перед другом. Мама вся такая мама, и Лекса вся такая ангел во плоти. А я – такая я.

– Она не ангел.

– К сожалению, ангел.

– Ну это если в сравнении с тобой, – говорит Лари и снова пихает меня в бок.

Улыбаюсь и снова отворачиваюсь в сторону засыпающего города. Постепенно в окнах невысоких многоквартирных домов гаснет свет. На улицах становится тише, но это ненадолго. Буквально через пару часов начнется ночная жизнь Дрим Сити. Байкеры выйдут из своих нор и начнут колесить по округе. Наркоманы и бомжи тоже оживают в темноте, они, как тараканы, боятся дневного света. За соседним переулком выстроится жрица любви, а бар Билли станет более громким и одурманенным.

Как бы я была рада словам Лари, будь они правдой. Но он не понимает, что, в сравнении с Лексой, любой будет дьяволом во плоти, ведь более идеального человека ещё не рождалось на свет. Раньше, несмотря на всю мою любовь к сестре, я пыталась с ней соревноваться. Это так глупо выглядело, и, к сожалению, я всегда проигрывала. Но самым моим большим проигрышем было то, что папа забрал с собой Лексу, а не меня. И вот, я не видела его уже два года. Как мне известно из последнего приезда Лексы, у папы появилась новая семья. К нему в огромный

особняк, в котором раньше обитали мы, приехала некая мадам со своим отпрыском, которому, если мне не изменяет память, двадцать. Новая папина пассия старше мамы, но Лекса говорит, что она безумно красива и добра. Естественно, ангел не произносит столь ядовитых слов при маме, но мне она об этом рассказывает больше, чем я хотела бы знать.

Сначала мне было обидно, что мой дорогой родитель решил, что мне о его новой семье знать не обязательно. Но через шесть месяцев их отношений я отпустила эту ситуацию, тем более, что мне не суждено лицезреть прекрасную даму сердца отца. Он ведь меня в гости не зовёт.

Мама же не упускает попыток и всячески расспрашивает Лексу об отце. Она даже слушать не хочет, что ему на неё наплевать. Он поиграл в одну семью – не понравилось. Папа развернулся и пошел играть в другую. Мужчины. Им это даётся с большей легкостью, нежели женщинам. Мама тому наглядный пример. Позвони папа ей в любой из дней в течение этих двух лет, и она бы пешком прошла все три штата, лишь бы увидеть его.

– Ладно, я пойду, – говорю я, поднимаясь с самого края крыши. – Нужно подготовить для Лексы комнату.

Лари поднимается вместе со мной и, нахмутив брови, спрашивает:

– Серьезно?

– Нет, конечно. Пусть хоть на коврике спит, мне плевать. Нужно выспаться, завтра у меня в шесть утра клиент.

– Это тот, что хочет себе на всю спину полуголую женщину?

– Он передумал, и женщина теперь полностью обнажена.

– Вот блин, хотел бы я на это посмотреть.

Обнимаю Лари на прощание и спускаюсь с крыши по пожарной лестнице. В конце мне приходится прыгнуть, и каждый раз я отбиваю себе пятки. Приземляюсь, поудобнее закидываю сумку на плечо и шагаю в сторону дома. Прохожу мимо бара, оттуда грохочет музыка, машу рукой громиле Питеру, он улыбается мне и кивает, тут же отгоняет несовершеннолетних сопляков от входа святая святых Билли. Питер работает вышибалой и охранником уже три года. И кто бы мог подумать, что контуженный военный согласится на эту затею, но оказалось в нашей стране не особо шикарный список вакансий, если тебя обвиняют в гибели всего отряда. Питера судили под военным трибуналом, оправдали, а ведь он сам не помнит, что случилось в тот день, и винит себя. Винит за то, что выжил, а остальные семь мужчин из его отряда нет.

Как-то, однажды, он немного слетел с катушек. Некие придурки, которых он не пустил в бар, начали взрывать петарды прямо у входа в заведение, и это сработало как своего рода напоминание о самом страшном и туманном дне в его жизни. О взрыве и смерти всей команды. Питер разгромил половину бара, сломал руку парню, что кидал петарды, но в итоге мне удалось его успокоить. Как, спросите вы? Всё просто, я похожа на его дочь, которую он не видел уже долгое время. Точнее, похожа не я, а мой голос. Билли в тот день уже вызвал копов, они приехали спустя три часа, на тот момент всё уже было улажено, но Билли всё же пришлось заплатить приличный штраф за ложный вызов. К счастью, подобного больше не повторялось.

Заворачиваю на соседнюю улицу и прохожу два квартала. Фонари горят через один, естественно, я ведь не на Манхэттене живу. Тут и пара фонарей на квартал сойдет. Огромные вонючие мусорные баки добавляют моему району особой пикантности. У того, что находится рядом с дверью в мой дом, как всегда, спит Стив – местный бомж. Безобидный, но по большей части находящийся под чем-то запрещенным. Я тысячу раз задавалась вопросом, откуда он берет деньги, чтобы купить себе очередную дозу? Скорее всего ворует. Хотела бы я так же уметь воровать, возможно, мне не пришлось бы бросить колледж.

– Привет, Стив, – бросаю я коротко и слышу мычание под ворохом ароматного тряпья. Жив ещё.

Вхожу в прохладный холл и поднимаюсь по облупившимся от годовалой давности краски ступеням. На третьем этаже снова не горит лампа. Приглядываюсь и понимаю, её просто кто-то спёр. Снова. Миссис Рипли опять будет думать, что это я. И чем я заслужила такую любовь престарелой дамы?

Стоило мне прокрутить в голове данную мысль, как дверь с номером восемнадцать открывается и оттуда выглядывает темнокожая миссис Рипли.

– Алекс? Это ты? Верни мне лампу!

Поднимаюсь выше, не оборачиваясь, отвечаю:

– И вам доброй ночи, миссис Рипли, лампу вашу я не брала.

– Вот бесстыжая девчонка! Пятая лампочка за две недели!

Дальше миссис Рипли продолжает что-то говорить, но я её уже не слушаю, иду по своему коридору и останавливаюсь перед дверью с номером двадцать три.

Вот я и дома.

Старенькая, но довольно уютная квартира. Мы здесь жили не всегда. Воспоминания об огромном доме нашей семьи меркнут с каждым прожитым днем. Там было столько места, здесь же: две комнаты, гостиная, кухня, ванная и до невозможности узкий коридор. Мы съехали из особняка сразу после того, как папа сказал нам с Лексой о разводе.

– Мам? Я дома.

Вешаю ключи на крючок, запираю дверь и скидываю растоптанные кеды. Со стороны кухни разносится какой-то бряк, и я тут же иду туда. Мама стоит вполоборота к кухонной плите и, кажется, что-то собирается готовить. Вот только кастрюля на огне абсолютно пуста, там нет ни воды, ни чего-то съестного. По запаху гари и треску кастрюли такая картина держится уже достаточно давно.

– Мама, ну что ты опять делаешь?!

Подхожу к плите и с психом выключаю её. Поворачиваюсь к маме, она выше меня примерно на пять сантиметров. Её зрачки непомерно большие. Вот чёрт!

– Ты снова была у Хами?

– Зашла ненадолго, – говорит мама, смотря в окно.

– И что он дал тебе в этот раз?

Мама отводит взгляд в сторону и теперь гипнотизирует стену, на которой ничего нет.

– Мама, завтра приезжает Лекса, ты же так ждала этого дня. Не ходи к Хами, он погубит тебя.

Я знаю, что Лекса – это больная мозоль мамы, а про Хами мама вообще не желает со мной разговаривать. Она хватает меня за руку и тащит в комнату, которая закрыта все время, пока Лексы нет. Через один поворот и три расторопных шага мы встаем перед дверью, на которой красуется надпись "Лекса" всё в блестках и розовых тонах.

Мама распахивает дверь, и я попадаю в ад. Розовый ад, именно так я называю эту комнату.

– Всё готово, – с воодушевлением говорит мама.

И действительно готово. Кровать заправлена в чистое и отутюженное постельное бельё. Полы намыты, пыль протёрта, а на прикроватном столике в вазе стоят цветы.

– Ты молодец, – говорю я, и мама улыбается, словно это была самая высшая похвала в её жизни.

Выхожу из розового ада и спрашиваю у мамы:

– Ты сегодня ела?

– Да, – врет она.

Я всегда знаю, когда она обманывает меня, зато мама вообще не в курсе, когда лгу я.

Отправляюсь на кухню и делаю нам тосты, смазываю их арахисовым маслом, и мы, не садясь за стол, уплетаем их. Отправляюсь в свою комнату, которая, к слову говоря, полная

противоположность Лексы. Серая краска на стенах, белый потолок, полутороспальная кровать, рядом стол, заваленный учебниками, которыми я уже долгое время не пользуюсь. В углу, наполовину прикрывая окно, стоит шкаф с моими не радужными вещами. Переодеваюсь в короткие шорты и длинную футболку Лари, которую он оставил у меня ещё месяц назад. Я пообещала вернуть её, но она такая чертовски мягкая и удобная, что моя рука не в силах подняться и отдать это чудо другу обратно.

Телефон вибрирует, сообщая о новом смс. Падаю на кровать и смотрю на горящий дисплей. Два сообщения.

Одно от Лари: "Ты норм?"

Второе от Лексы: "Я уже в пути!"

Обоим отвечаю односложное "ок", ставлю будильник на пораньше, убираю телефон и закрываю глаза.

Глава вторая

Я уже успела посетить бар, мой клиент пришел, как и обещал, в шесть утра. Но он ушел, так и не сделав даже малую часть тату. Мужчина не выдержал и трёх основных линий, через десять минут с начала сеанса слинял. Уже через месяц на его спине должна была красоваться умопомрачительная красotka с шикарными формами, а в моем кармане должно было прибавиться наличных, но этот огромный мужчина завопил на середине второй линии. Сунул мне в руки пять баксов и удалился так быстро, что я видела искры из-под его пяток.

После неудавшегося тату я отправилась домой, приняла ещё раз душ и вот уже тридцать минут мы с мамой стоим на перроне и ждём нашего ангела.

Поезд прибывает по расписанию, и вот из предпоследнего вагона выходит Лекса. Она в желтом сарафане, в белых лодочках, её светлые волосы собраны в две толстые косы, они перекинута на грудь, а серые глаза с тревогой сканируют перрон. Как только она находит взглядом меня и маму, которая слишком усиленно машет рукой и выкрикивает имя своей второй дочери, Лекса улыбается и спешит к нам, таща за собой чемодан на колесиках. Следом за ней выходит парень.

Оу!

Да он горяч. Темные волосы выбритые у висков, зеленые глаза и отменная улыбка. Такая, что на неё смотришь и твои губы непроизвольно изгибаются в ответ. Сестра поворачивается к парню, указывает на осколок своей семьи, и они движутся к нам, держась за руки. Вот это поворот – у Лексы есть парень. И папа позволил ему приехать вместе с ней?

Они отменно смотрятся вместе. Лекса – идеал воплощения девушки, она всегда ухожена, волосок к волоску, легкий макияж, который невозможно разглядеть на идеальной фарфоровой коже, брендовые вещи, сшитые по песочной фигуре. Парень, как и Лекса, одет в дорогое шмотье, на руке люксовые часы – богатенький.

Мама на всех парах бежит им навстречу, распахивает прохожих и не обращает внимания на то, как они этому недовольны. Лекса отпускает руку парня и врывается в мамины объятия. Я же, стоя в сторонке, закатываю глаза.

Началось. Четырехдневная игра в семью, спектакль для одного зрителя, у меня много сравнений для чистилища, в котором я буду пребывать чуть больше половины недели.

Лекса отлепляется от мамы и идёт в мою сторону. Мне больно смотреть на неё, в голове моментально появляется вопрос, чем она лучше меня? Почему папа выбрал её? Из-за того, что она младше? Так у нас разница всего лишь год. Из-за болезни сестры? Не думаю.

Лекса приближается, а я непроизвольно отступаю на шаг.

Только не обнимашки.

Только не это.

Нет-нет-нет.

Моим мольбам не суждено сбыться. Лекса сгребает меня в охапку и сдавливает так, словно в ней не сорок пять килограмм, а все четыреста. Похлопываю её по спине и ненавязчиво отстраняюсь.

– Боже, Алекс, да ты стала красоткой! – восклицает Лекса.

Словно я когда-то была страшилой из темного переулка.

Ничего не отвечаю, и Лекса знакомит меня и маму со своим бойфрендом, которого зовут Зари. Какой красивый парень и какое нелепое имя. Но из кругов, в которых вращаются Зари и Лекса, скажут иначе – экзотическое имя, небанальное, статное и ещё куча эпитетов, которые так или иначе являются синонимами слова "странное".

Мама начинает расспрашивать Зари о том, кто он и откуда, парень отвечает с небрежной улыбкой, но постоянно бросает взгляды на меня. И всё, от этих взглядов становится всё

понятно. Я разочарована. Присматриваюсь к нему более внимательно и теперь красоты не замечаю. Знаете, бывает такое, что первое впечатление обманчиво, а потом ты присматриваешься, принимаешься и чувствуешь, что от человека несет гнильцой и фальшью. Вот и Зари оказывается в моем черном списке. Там не много людей, всего одиннадцать, теперь двенадцать. Не знаю, почему они с Лексой вместе, но Зари её точно не любит, иначе в первую же встречу не смотрел на её сестру так, словно хочет раздеть глазами. И не только раздевает, на этом он отнюдь не останавливается. Блядский взгляд. Отвратный Зари.

Отправляемся домой на такси, к слову, сюда мы шли пешком. Лекса зависает в своём телефоне и уже трижды причмокивает языком.

– Что там? – не выдержав, спрашиваю я.

– Да снова новости про туман, – отвечает сестра, полностью сосредоточившись на экране своего новенького смартфона.

– Про что? – спрашивает мама.

– Туман. Ну тот, что появился сегодня ночью. Он уже дошел до многих городов, переживаю за папу.

– Туман его не съест, – уверяю я и снова отворачиваюсь к окну.

– Не знаю. Он странным образом появился, метеорологи не понимают причину его возникновения, но города, куда пришел туман, закрывают на карантин.

– Глупость какая, – говорит мама и тут же добавляет. – Закрывать город на карантин из-за тумана – это недалековидно.

– А вот и нет. Это опасно, – с чувством произносит сестра.

Стараюсь не влезать, но язвительность так из меня и прёт. Говорю, бросая на Лексу беглый взгляд:

– Переживаешь, что из-за тумана не все увидят твоей ослепительной красоты?

– Алекс, прекрати! – говорит мама и с упреком смотрит на меня.

Отворачиваюсь в сторону окна и наблюдаю за сменяющейся картинкой города. С каждым кварталом увиденное становится всё унылее и унылее. Мама без умолку рассказывает Лексе обо всем, что с нами произошло за последний месяц. Несмотря на то, что и рассказывать-то нечего, мама неумолима, она даже сообщает, что у парня, который раньше увивался за Лексой, проблемы с кишечником. Откуда она это знает? Да и Грег не бегал за Лексой, для этого смелость нужна, а он слишком пуглив. Грег знакомый Лари и мою сестру он видел всего три раза, но мама приписывает Лексе всех парней, которые хотя бы единоразово посмотрели в сторону её красавицы дочери.

Останавливаемся у дома, мама расплачивается с таксистом, и мы покидаем душный салон автомобиля. Я молча первой ухожу в здание и быстро поднимаюсь на четвертый этаж, особенно быстро я двигаюсь мимо квартиры миссис Рипли.

Открываю квартиру и тут же ухожу к себе в комнату. Закрываюсь там, беру наушники, максимально громко включаю музыку и падаю на кровать.

Четыре дня.

Алекс, это совсем немного.

Музыка грохочет, и я в блаженстве прикрываю глаза. Не замечаю, как проваливаюсь в сон, просыпаюсь, когда за окном уже темнеет. Снимаю наушники и заглядываю в телефон. Пять сообщений от Лари.

"Ты как?"

"Алекс, ты в норме?"

"Ты там жива?"

"Алекс, твою мать!"

"Буду ждать тебя у бара после смены, не забудь, ты сегодня подменяешь Теру!"

Вот гадство!

Я совсем забыла.

Соскакиваю с кровати и быстро переодеваюсь в черную футболку и серые лосины. Тера ещё две недели назад просила меня подменить её, у её дочери сегодня день рождения, а я, блин, совершенно забыла. Чёрт-чёрт-чёрт!

Подлетаю к зеркалу и быстро расчесываю свои длинные темные волосы, что-то, а волосы мои мне всегда нравились, густые и слегка волнистые, но сейчас я должна собрать их в максимально непривлекательный хвост, ведь официантки с распущенными волосами равно еда с приправой, которую не заказывали.

Закидываю на плечо сумку, хватаю телефон и выхожу из комнаты. На кухне идут тихие разговоры. Мама, Лекса и её бойфренд играют в какую-то настольную игру. Идиллия, да и только.

– Алекс, куда это ты?

– Я к Энджи, нужно сделать реферат, – говорю я, и мама больше не задает никаких вопросов.

Она даже не знает, что Энджи вовсе не существует так же, как и реферата, да и колледжа в целом. Хотя у вымышленной подруги я ночевала уже трижды. Из кухни выходит Лекса и смотрит на меня максимально невинным взглядом.

– Может, мне с тобой сходить?

Чего?

– Нет.

Закрываю дверь и быстро спускаюсь вниз, уже по привычке пробегая третий этаж на максимальной скорости. И правильно делаю, потому что стоит моим ногам ступить на площадку второго этажа, как с третьего разносится крик миссис Лампочки.

Выхожу на улицу и тут же морщусь от вони мусорного бака. Сворачиваю налево и быстрым шагом добираюсь до бара.

Вывеска максимально простая "Бар у Роба". Почему у Роба, а не у Билли спросите вы, и я отвечу, что Роб это имя старого хозяина заведения, а денег на новую вывеску Билли тратить не будет, он считает, что это расточительство. На входе уже толпятся люди, но Питер пропускает далеко не всех. Огибаю очередь и, обняв здоровяка, открываю дверь. На губах появляется максимально искренняя улыбка. Музыка грохочет, везде витают клубы пара и сигаретного дыма. На танцплощадке движутся потные тела. Мне всё тут нравится – идеально. Два года назад я бы с криком выбежала отсюда, но сейчас, как по мне, это место полностью соответствует моему внутреннему миру. Бардак, раздраз и хаос, но всё это сопровождается музыкой.

Из основного зала ведут две двери, одна VIP зона, там-то девушки и танцуют жаркие танцы у шеста, другая дверь ведет в тату салон и административное помещение. А между этими двумя дверями расположена огромная барная стойка. За ней несменно стоит Роджер. Он виртуозно разливает дамочкам алкоголь и поджигает его, посетительницы визжат и тем самым привлекают взгляды всей мужской половины бара. После Роджер отсчитывает, и на счет пять девушки опрокидывают в себя огненную жидкость. Их визг разносится по помещению с троекратным усилением предыдущего крика.

– Чё встала-то?

Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с парнем, которому максимум лет двадцать. Показываю ему средний палец, его брови ползут вверх, а я разворачиваюсь и иду в административку, скидываю там сумку, обвязываюсь фартуком и вынырываю в зал, бросив взгляд на комнату, где царь и бог только я. Сначала я пришла в тату-салон только как помощница, но в итоге стала единственным мастером у Билли. Жаль, что заказов в последнее время стало меньше, настолько меньше, что я сама себе начала бить рисунок огненного феникса на правом бедре. Птица не закончена, её крылья должны обволакивать мою ногу, но сама себе набить тату сзади

я не могу, поэтому откладываю на то, чтобы посетить другой салон и закончить единственный рисунок на моём теле.

Подхожу к барной стойке и получаю инструкцию от Роджера. Разношу напитки к столикам, которые находятся в отдалении. У нас, кстати, есть и еда, но её крайне редко кто заказывает, люди приходят сюда не за этим.

Ставлю на поднос напитки и иду сквозь толпу, в венах бушует кровь, музыка заводная, и я готова сама поддаться танцу. Дохожу до крайнего столика и расставляю напитки, большинство постоянных посетителей знают меня, но эти новенькие, и мужчина, что сидит с самого краю, подмигивает мне и улыбается. Идиот. Но я выдавливаю из себя ответную улыбку, надеясь на щедрые чаевые. Тера постоянно кокетничает с посетителями и тем самым неплохо зарабатывает. И мне советует поступать точно так же, а вот Питеру это не нравится, но я ему ничего не скажу.

Возвращаюсь к барной стойке и забираю новый поднос, который уже собран для другого столика.

Так продолжается около трех часов, пока не приходит Тера и не спасает мои ноги от кровавых мозолей. Если кто-то думает, что работа официантки легка, то поверьте мне, вы ошибаетесь. Раньше я об этом не задумывалась, да что говорить, я не замечала обслуживающий персонал. Как же изменилась моя жизнь и в какой-то степени я этому благодарна, она стала более... настоящей.

Отправляюсь в подсобку, снимаю фартук и считаю чаевые. Не густо, но все же хоть что-то. Читаю сообщение от Лари, он уже ждёт меня у входа в бар.

Выхожу на улицу, прощаюсь со здоровяком Питером и тут же вижу Лари на нашем месте, он всегда ждет меня, сидя на старой покосившейся скамейке.

– Привет, – говорю я и обнимаю друга.

Кажется, Лари единственный, кто знает меня по-настоящему. Я ценю его дружбу, как нечто ценное и хрупкое. В разговорах с ним я подбираю слова и выражения, стараясь не задеть его и не обидеть, но мы всегда общаемся на правдивых нотах. В нашей дружбе нет места лжи и лебезению.

– Ты видела? – спрашивает он и поворачивает ко мне экран телефона.

– Что это?

– Хрень какая-то, по новостям сказали, что это туман...

– Ты смотришь новости? – удивляюсь я.

– Сегодня сделал исключение. Да ты только посмотри, – Лари возбужден до предела. Протягивает мне телефон, и я нажимаю на плеер. Дисплей оживает, и я вижу легкий туман и пустынные улицы какого-то города. А потом из-за высокого здания выходит мужчина, он одет в черный костюм тройку и черные туфли. Не наблюдаю ничего необычного, вплоть до момента, когда мужчина не становится на четвереньки и не начинает бежать на того, кто все это снимает. Телефон горе-репортера отлетает в сторону, и я вижу чистое небо и легкий туман, а потом видео прекращается.

– И что это? Очередной пранк? – спрашиваю я, возвращая другу телефон.

– Не думаю, я уже десятки подобных видео видел. Люди словно сходят с ума.

– И как ты думаешь, что случилось с тем, кто снимал это видео?

– Вероятно, погиб.

– Ага, конечно, и кто-то с его телефона выложил это в сеть? Лари, тебе нужно меньше смотреть ужасы на ночь.

– Я вообще их не смотрю.

– Вот и не стоит начинать.

– Ну согласишься, это жутко, – настаивает друг.

– Если верить в подобную чушь, то да.

Идем в сторону моего дома и с каждым шагом наша скорость замедляется. Я не хочу попадать в лживую картинку идеальной семьи. Этой семьи уже два года как нет, но мама пытается вдохнуть в её прах хоть какую-то жизнь. Я понимаю, что она скучает по Лексе, она всё же её дочь, которая живёт достаточно далеко. Но от этого меня ещё сильнее терзает вопрос, почему папа так по мне не скучает? И я не идиотка, понимаю, что вся злость, которая направлена на Лексу, полностью и бесповоротно принадлежит папе. Он выбрал не меня, от этого я и бешусь. Хотя раньше мы с ним были куда ближе, чем он с сестрой.

– Можешь переночевать у меня, – говорит Лари, и я даже пару мгновений раздумываю, чтобы согласиться.

– Нет, думаю, сегодня я останусь дома. Посмотрю, как там обстоят дела.

– Ну смотри, ты всегда знаешь, что можешь прийти ко мне в любое время дня и ночи. Я всегда на твоей стороне.

– Именно поэтому я тебя так обожаю.

Обнимаю Лари напоследок и поднимаюсь на четвертый этаж. В этот раз я даже не спешу проходить площадку третьего, уже слишком поздно, и миссис Лампочка скорее всего спит.

Открываю дверь и встречаюсь взглядом с испуганной Лексой.

– Что случилось? – спрашиваю я, скидывая сумку с плеча.

– Мама ушла, сказала, что придет через час, но её нет уже четыре часа. Она ушла сразу же за тобой.

Если бы ты знала, насколько мама бывает не пунктуальной.

– Придёт к утру, – отвечаю я, а нижняя челюсть Лексы летит на пол.

– Ты что – не переживаешь?

Уже нет. Раньше я боялась, что в один из дней мама не вернется, но она всегда возвращается. Да и что я могу сделать? В притон Хами я не сунусь даже под дулом пистолета.

Скидываю кеды и, смотря на сестру, говорю:

– Лекса, она взрослая женщина и имеет право делать, что хочет.

– Я переживаю.

– Не сомневаюсь. Где твой принц?

– Он не будет ночевать тут. Папа запретил, а я...

– А ты никогда не перечишь родителям. Я помню.

Быстро принимаю душ, и ухожу в свою комнату, но тихий плач из розового ада, не дает мне уснуть.

Вот чёрт!

Встаю и иду к Лексе. Она сидит на кровати и, смотря в телефон, роняет слезы на горящий экран.

– Она вернется, – говорю я Лексе и все же переступаю порог комнаты. – Что бы не произошло, она вернется.

Слезы сестры тронут любого, она даже плачет красиво и безумно жалостливо.

– Я плачу из-за другого.

– Что случилось?

– Этот туман, он... посмотри, что говорят.

Заглядываю в телефон и вижу, что Лекса сидит не в каких-то соцсетях, а на официальном сайте новостного канала. На экране мобильного женщина, которая находится в студии, её вид не соответствует панике, которую придумывает моя сестра. Дама в желтом строгом костюме рассказывает о том, что туман, который уже в обиходе стали называть "Заразный", покроет всю землю до исчисления следующих суток. А потом она предлагает послушать их корреспондента, который в данный момент находится в Лондоне. Этот город один из первых встретил туман. Картинка на экране меняется, и теперь я вижу город в тумане, он не беспроглядный, но даже с учетом дня, Лондон выглядит пасмурным и жутким. Но не туман наводит эту самую жуть,

а количество людей, их практически нет. Сначала я даже не слышу корреспондента, а потом внимательно вслушиваюсь в его слова.

"Туман поразил уже большую часть планеты, и он вызывает психические расстройства. Сам человек не в силах понять, что заражен новым и ранее не встречавшимся вирусом T001. Зараженный продолжает вести обычный образ жизни, но как показывают сводки из полиции, именно на зараженных поступают заявки. Самые распространённые из них – домашнее насилие. В первую очередь зараженные нападают на родных и близких и самое ужасное, что нападения происходят из-за мелочей. Убедительная просьба держать окна и двери закрытыми и по возможности не покидать стен своих домов и квартир".

– Вот видишь? – спрашивает Лекса и снова шмыгает носом. – А папа сейчас в Лондоне, и он не выходит на связь, я ему уже двенадцать раз позвонила, а меня все перекидывает на автоответчик.

– Он скорее всего просто занят.

– Он всегда отвечает мне. Даже если очень-очень занят.

А мне он не отвечает уже два года.

Да ладно, сейчас речь не об этом, а о том, что и я начинаю верить в ужасный туман.

– Лекса, ложись спать, разберемся со всем завтра.

– Хорошо.

На выходе из комнаты Лекса окликает меня, и я оборачиваюсь.

– Алекс, я не виновата в том, что...

Закрываю дверь её комнаты, не удосужившись дослушать предложение до конца, и быстро ухожу к себе.

Открываю новостные каналы и просматриваю всё, что могу найти про таинственный туман. Информации много, но нет ни одного предположения, откуда взялся этот туман, который покрывает всю землю. Что это? Но в противовес неизвестности происхождения тумана, я нахожу множество ужасающих случаев из разных стран, которые первыми подверглись странной аномалии. Один парень снимал на видео свою девушку, в тот вечер два дня назад он делал ей предложение, она лучилась от счастья, а сегодня в его соцсетях новое видео... он снова снимает свою девушку, она спит, а под кожей на её щеке что-то движется. Похоже на червя, но он быстро пропадает. Парень выходит из комнаты и быстрым шагом закрывается в другом помещении, оно похоже на бильярдную или что-то около этого. Парень переворачивает камеру на себя и говорит о том, что это всё туман виноват. Он утверждает, что его девушка вчера плохо себя чувствовала, у неё поднялась температура, а потом стали появляться странные провалы в памяти, а сегодня под её кожей что-то шевелится. Это периодически можно увидеть на лице, руках, ногах. Да где угодно. И она стала вести себя странно.

Подписываюсь на парня и листаю дальше. Нахожу видео, где женщина, рыдая, говорит на иностранном языке, но благо кто-то уже сделал субтитры к видео. Женщина говорит, что её муж изменился и в итоге два часа назад напал на их друзей, которые приехали к ним в гости издалека. Он пырнул ножом мужа подруги женщины и тут же выронил нож. Вызвали полицейских, и они забрали мужа, который, к слову, уже не помнил, что сделал. Мужу подруги ничего не угрожает, он госпитализирован, и врачи сказали, что жизненно важные органы не задеты. А ещё женщина заметила, что у её мужа с утра было что-то странное на шее. Она утверждает, что это нечто было похоже на трехсантиметровый прутик у него под кожей, но это быстро пропало, и она решила, что ей показалось.

Листаю дальше и нахожу блог какого-то ученого, до вчерашнего дня его страница была практически пустой, но сегодня каждая статья набрала уже более семи миллионов просмотров. Доктор Локи пишет о тумане и утверждает, что все заражения, которые были зафиксированы, скорее всего передались воздушно-капельным путем. То есть от тумана не сбежать, так или иначе участь заражения преследует каждого, но он говорит, что при выходе из дома нужно

надевать респираторы, а лучше вообще не покидать свои квартиры, заклеить окна и двери. Но если все же необходимость покидания квартир и домов пересиливает, то внимательно следить за прохожими и стараться не контактировать с ними. Также доктор Локи предупреждает, что власти не показывают и десятой части того, что происходит в мире, они боятся паники и беспределов, но ученый уверен, что человечество столкнулось с самой ужасной проблемой в своей истории.

Сворачиваю браузер и бросаю взгляд в сторону окна. Уже светает. Сколько я просидела за просмотром? Мама так и не пришла. Звоню ей, и она поднимает трубку после третьего гудка.

– Алекс, я скоро буду.

– Ты где?

– У меня были дела. Я вернусь через пару часов.

– Ты у него?

Тишина и односложный утвердительный ответ.

Я злюсь.

– Могла бы сдержаться, когда здесь Лекса.

– Прости, я...

– Мы ждем тебя, – говорю я и отключаюсь.

На часах пять сорок утра. Ни о каком сне не может быть и речи. Иду в комнату к сестре и проверяю, как она там. Лекса спит, поджав под себя ноги. Возвращаюсь к себе и снова открываю браузер. И с каждым прочитанным мною словом, кровь холодеет в жилах. На нашу землю надвигается что-то поистине ужасающее.

Глава третья

– Алекс? Алекс, вставай.

Лекса пытается растолкать меня, а я прячу голову под подушку и отмахиваюсь от неё рукой.

– Алекс, мне страшно, – говорит она, и я всё же откидываю мягкую, теплую и такую родную подушку в сторону.

Сажусь и, зевая, спрашиваю:

– Что на этот раз?

– Мама так и не пришла, а на улице ту-туман.

Что?!

Я моментально вынырываю из царства сна и соскакиваю с кровати, практически сшибаю Лексу с краешка, на котором она уселась. Подлетаю к своему окну и замираю. Я вижу соседний дом, но словно смотрю на него сквозь целлофановый пакет. На улице орет чья-то сигнализация от машины, лает собака и слышны какие-то крики небольшой группы людей.

– Нам нужно найти маму и сходить к Зари. Он в центре города, в отеле...

– Лекс, погоди. Мне нужно проснуться.

Ухожу в ванную, умываюсь и пристально вглядываюсь в своё отражение. Что делать? Какой-то там научный чувак говорит, что из дома уходить не стоит. Но нам невозможно не выходить. Быстро бегу на кухню и открываю холодильник, просматриваю содержимое. Нам еды хватит на два дня, с учетом того, что мама не вернется. Вот черт! Лекарство. Лексе нужен инсулин.

Сестра заходит в кухню, и я, обернувшись, смотрю на неё.

– Лекса, инсулин, на сколько у тебя осталось?

– Неделя.

Неделя. Семь дней. С голоду мы загнемся быстрее, чем сестра от сахарного диабета.

Нужно закрыть щели с окон и дверей. Шарю по кухонным шкафчикам и нахожу скотч, и мы принимаемся за оклейку стыков на окнах. Не знаю, поможет ли это нам не обзавестись новым вирусом. Но я не могу ничего не делать. Как только три наших окна становятся похожими на жилище бомжа, я беру телефон и звоню в бар. Никто не берет трубку, и только потом я вижу сообщение от Билли: "Сегодня у нас незапланированный отдых". Звоню маме, папе и Лари, и никто из них не берет трубку. Гадство!

Кажется, что я начинаю задыхаться. Это паника, и она волна за волной погружает меня в свою пучину.

И что я должна делать?

Чувствую себя брошенной, но не это самое страшное, а то, что за Лексу теперь отвечаю только я. И я, черт возьми, не имею никакого понятия, как мне сбереечь сестру... и себя.

– Алекс? Что ты решила? – спрашивает Лекса.

А я ничего не решила, иду в гостиную, где обычно спит мама, ведь розовый ад предназначен только для Лексы, а другой комнаты, кроме моей, у нас нет.

Впервые за долгое время включаю телевизор и нахожу новостной канал нашего города. На экране молодой приятный на вид мужчина с неправдоподобными ровными зубами, белизне которых даже унитаз позавидовал бы. Он говорит, что скоро в городе наступит полная изоляция и введут комендантский час, многие уезжают из города, но ведущий считает, что это ошибка. С каждым часом туман становится все плотнее и плотнее. Он просит звонить в 911 и сразу же говорить туман и адрес. Туда выедет машина полицейских, сразу, как только освободится. На данный момент линия спасения перегружена. А пока на этом всё. Следите за новостями и берегите себя.

На этом всё?! А как же инструкция, как жить в новых реалиях?

– Что будем делать? – спрашивает Лекса, и я хочу ей треснуть за этот вопрос.

– Нам нужны еда и лекарство.

– Мы же не пойдем туда?

– Мы – нет. Я пойду одна.

Я достаточно знаю свой район и буду передвигаться куда быстрее без балласта. В конце концов, не станут же люди на меня бросаться? Не станут ведь? Да?

– Ты не можешь меня бросить, – говорит Лекса, и я поворачиваюсь к ней.

При виде трясущейся нижней губы и слез в глазах я тут же вспоминаю её маленькой. Я так её любила и до сих пор люблю, и как бы я не лелеяла свою ревность, должна отодвинуть ядовитое чувство на задний план.

– Лекс, посмотри на меня, – уверенно говорю я и жду, когда сестра сморгнет слезы и поднимет взгляд серых глаз. – Я тебя не бросаю. Но у нас нет выбора и придется выйти за продуктами и лекарствами. Ты слышала про карантин? Если нам запретят выходить из дома, тогда я не знаю, что делать, но пока есть возможность запастись нужным и переждать пока правительство не решит эту проблему.

– А как же мама, папа и мой Зари?

– Они взрослые, пусть сами о себе думают, лучшее, что мы можем сделать для наших родителей, так остаться... невредимыми.

Какое-то время Лекса борется с подступающими слезами, но в итоге собирается и даже немного изгибает губы в улыбке:

– Ты точно вернешься?

– Обещаю! – произношу я с излишней уверенностью в голосе, с такой, которой совершенно не испытываю.

Собираюсь и предусмотрительно обматываю себе голову и нижнюю часть лица шарфом. Сгребаю свои деньги, которые заработала вчера, и лезу в мамин тайник, в банку из-под арахисового масла. К сожалению, там всего три доллара. Лекса дает мне рецепт на лекарство, запоминаю название и убираю листок в карман джинсов.

Подхожу к двери и с ужасом смотрю на ручку.

Сказать, что мне страшно, это ничего не сказать, но если я буду медлить и услышу ещё хоть один крик с улицы, то никогда не решусь выйти.

– Лекс, стой у двери, никого не впускай, пока я не вернусь.

– Даже маму?

Оборачиваюсь к сестре и говорю абсолютно серьезно.

– Даже если по ту сторону двери буду стоять я, и ты увидишь под моей кожей хрень, которую мы видели в роликах, тогда и меня не впускай.

Только от мысли, что я могу стать одним из экземпляров новых видео, меня начинает мутить, но я стараюсь казаться собранной и уверенной в своих словах. Лекса не должна меня видеть слабой и боящейся всего, иначе она впадёт в панику, и тогда я точно сойду с ума.

– Хо-хорошо, – отвечает сестра.

– Вот и отлично.

Не оставляя себе времени на раздумья, распахиваю дверь и быстро, но максимально тихо прикрываю её за собой.

Лампа на моём этаже горит, и это радует, но ещё больше меня радует то, что в обе стороны коридора никого нет, лишь легкий туман. Спускаюсь вниз и максимально быстро прохожу третий этаж, из-за того, что там нет света, кажется, что я иду целую вечность и ещё немного.

Дыхание сбивается, я слышу, как шумно пропускаю воздух сквозь сжатые зубы. Сердце колотится как бешеное, а ладони потеют.

Открываю скрипучую дверь и выглядываю. Улица пуста. Выскальзываю наружу. Сердце колотится уже в самом горле и не дает сглотнуть невесть откуда взявшуюся горечь. Шаг за шагом иду в сторону ближайшего супермаркета, в нем, кстати, и аптечный пункт имеется, и только пройдя половину квартала, я понимаю, что супермаркет может и не работать. Чёрт!

В растерянности останавливаюсь на тротуаре. Обратного пути нет, это будет бессмысленной тратой времени и наиглупейшим поступком в моей жизни. Выглядит так, словно я решила прогуляться в момент бушующего вируса.

Боковым зрением замечаю какое-то движение в кафе. Огромные стеклянные окна дают мне увидеть владельцев. Это пожилая пара, которая уже больше пятнадцати лет заправляет в этом заведении. Я не знаю их имен, но они всегда были добры ко всем посетителям, и более того помнили имена всех, кто к ним приходил хотя бы дважды. Помню, как-то мы шутили с Лари, что у них есть доска как у копов в сериалах, где они записывают имена всех посетителей, а самые прибыльные находятся в центре, и все красные нити ведут именно к ним.

И то, что я вижу сейчас, никак не укладывается у меня в голове. Женщина ходит между пустыми столиками и расставляет там еду и напитки, которые ей подает из-за барной стойки её муж. Это выглядит достаточно жутко, словно они кормят призраков, ведь в кафе никого, кроме них, нет. Женщина замечает меня, улыбается и машет мне рукой. Машу ей в ответ и быстро ретируюсь от кафе. Ну нафиг.

Чем дальше я отхожу от дома, тем больше встречаю людей. Кто-то куда-то спешит. Я же стараюсь уйти с дороги каждого из них, ученый советовал держаться от людей подальше. Вижу нескольких прохожих в медицинских масках и понимаю, что я выгляжу так же нелепо, как и они. Но сейчас мой внешний вид заботит меня не очень сильно. То и дело обтираю мокрые ладони о джинсы и продолжаю идти. Глаза начинают болеть от пристального взгляда в лица прохожих и вообще во всё, что может причинить мне какой-либо вред.

Дохожу до супермаркета и даже до того, как дергаю дверь, понимаю – заперто. Как наивно было полагать, что сегодня хоть кто-то выйдет на работу.

И что делать?

Грохот с другой стороны здания привлекает моё внимание, и я медленно обхожу супермаркет. Со стороны черного входа стоит заведенный "Мини Купер", все двери открыты, в том числе и багажник. Возле машины стоит мужчина и закидывает внутрь продукты из тележки. Именно звук колесиков по асфальту и привлёк моё внимание. Он уходит и снова возвращается с новой порцией продуктов.

Да он грабит магазин и при этом даже не прикрыл себе лицо! Вот это наглость. Со стороны, откуда я пришла, разносится женский крик, и у меня волосы на руках становятся дыбом. Крик быстро стихает, но меня уже начало трясти и, думаю, это не прекратится, пока я не вернусь в квартиру.

Прижимаюсь спиной к прохладному зданию и осматриваюсь по сторонам. Никого нет, только мужчина-вор, я и магазин.

Я ведь не преступница, я этого делать не буду. Не стану я грабить магазин!

Стоит машине завернуть за угол, как я на всех парах бегу в сторону взломанной двери. Уверена, уже во всю бы орала сигнализация, но в столь бедных районах города сигнализация непозволительная роскошь.

Вхожу в темное здание и сразу же оказываюсь на складе.

Что брать? Куда складывать? Я ведь не шла на ограбление, и уж тем более я не так подготовлена, как чувак на машине. Включаю фонарик на телефоне и быстро прохожу к двери, которая ведет в сам магазин. Ага, а вот тут-таки и есть сигнализация. Красная лампочка мигает прямо над дверью. Значит, лекарства мне не добыть. Ладно. Нахожу коробки с каким-то печеньем, вываливаю всё на пол и быстро прохожу по складу и собираю все самое необходимое.

Хотя я без понятия, что самое необходимое. В крови бушует адреналин, я всё ожидаю услышать звуки сирены, принадлежащей копам, но этого не происходит. Пока не происходит.

Набиваю коробку и рюкзак. Иду к выходу и слышу за дверью склада голоса. Двое мужчин и одна женщина.

– Тут и так открыто, – говорит мужчина.

– Но это незаконно, – спорит с ним женщина.

– Но мы только посмотрим, Сабина, это уже третий супермаркет, который мы объехали. У нас всё же дети есть и ради них я пойду на что угодно.

Открывается дверь, и я в аккурат стою напротив проёма, и свет с улицы отлично меня подставляет.

Пару мгновений мы стоим и смотрим друг на друга. Если вы спросите меня через пять минут, как выглядели эти трое, я вам ничего не отвечу, потому что не помню. Страх сковал все клетки моего тела.

– Нам безразлично что ты тут делаешь, – говорит женщина.

И только после этих слов я начинаю дышать. Не из-за того, что я поверила ей, а из-за того, что они начали медленно входить внутрь. А я обходить их по кругу и двигаться в сторону двери. Мы, словно дикие животные в танце, который в любой момент может закончиться бойней.

Оказавшись на улице, хочу скинуть с лица пропитанную потом ткань, но здравомыслие пересиливает, и я решаю оставить хотя бы видимость защиты от тумана. Быстро шагаю в сторону дома.

На улице уже намного больше людей. Почему они выходят? Так же, как и я, ищут продукты и нужные вещи. Что касается меня, то я мертвой хваткой держу коробку с продуктами и с каждой секундой мой шаг только ускоряется. Дыхание кажется больше никогда не придет в норму, а сердце вот-вот проломит грудную клетку и свалится мне под ноги.

Сейчас я не думаю про туман, я думаю про людей, которые смотрят на меня с явным интересом. Что им нужно? Моя коробка? Хрен им. Я добыла еду, словно в древние времена. Так что я буду биться за свою коробку.

Оказавшись у дома, позволяю себе на мгновение выдохнуть. Толкаю дверь и оказываюсь в холле. Уставшая и истощенная от переизбытка адреналина оказываюсь на третьем этаже, и тут же открывается дверь миссис Рипли.

– Алекс! Верни лампу! – слишком агрессивно кричит она.

Из-за света в её квартире я замечаю, что на шее миссис Лампочки происходит какое-то движение. А потом это переходит на её лицо и исчезает.

Стартую быстрее любой баллистической ракеты и оказываюсь перед дверью своей квартиры. Миссис Рипли босыми ногами шлепает по ступеням следом за мной. Пинаю дверь ногой, и она тут же открывается. Вваливаюсь внутрь и прижимаюсь спиной к двери, и в этот момент миссис Лампочка начинает тарабанить так, как обычная старушка её возраста не смогла бы никогда.

– Лекса, запри дверь!

Сестра запирает, я ставлю коробку на пол, скидываю с себя рюкзак и пропитанный потом шарф. Оседаю на коврик и смотрю на свои трясущиеся руки.

Я это сделала. Смогла! Лекса что-то говорит, но я не слышу её, в ушах стоит белый шум и шлепанье босых ног миссис Рипли.

Постепенно прихожу в себя и начинаю распознавать другие звуки. Старушка продолжает долбить в дверь, Лекса говорит, что мы не одни дома, а потом я слышу из ванной шум воды и бросаю косой взгляд на Лексу.

– Кого тыпустила?

Былой адреналин возвращается.

– Прости, но Лари твой друг и я...

Это Лари.

– Он... он не заражен?

– Нет. Думаю нет. Он пришёл пять минут назад, сказал, что что-то со связью и он не мог дозвониться до тебя, и я пустила его.

– Я же говорила этого не делать!

– Но он твой друг.

– И что? А если бы он был заражён? Ты не можешь знать наверняка!

Я, рискуя своей жизнью, стараюсь сберечь Лексу, а она поступает столь необдуманно и глупо.

Не знаю, что бы сделала я на её месте...

Пару минут мы стоим в коридоре, а миссис с третьего этажа, кажется, не собирается никуда уходить. Не говорю сестре, что не нашла лекарства и только после уgomонившейся и ушедшей от двери миссис Рипли позволяю себе уйти на кухню.

И только оказавшись дома, я поняла, что это начало ужаса, который не прекратится за пару-тройку дней. Туман более страшный и необузданный, чем болезни, которые мы знали ранее. Он буквально сводит людей с ума. И тех, что заражены вирусом T001, и тех, кто пока избежал этого.

Лари выходит из ванной, и я прошу его раздеться вплоть до трусов.

– Ты же это несерьезно? – спрашивает он, а я отступаю к столешнице, на которой стоит набор кухонных ножей.

– Лари, раздевайся.

Лекса выбегает из кухни и запирается у себя в комнате. Лари приподнимает брови и смыкает губы в тонкую линию.

– Хотел бы я услышать это при других обстоятельствах, – говорит он и улыбается.

– Лари, не говори глупости. Раздевайся.

Лари скидывает с себя футболку и джинсы. Прошу его повернуться, и не заметив никаких признаков шевеления под кожей, врезаюсь в друга и обнимаю его. Не заражён.

– Мне бы одеться, – говорит он, глядя меня по волосам.

Отстраняюсь и выхожу из кухни, подавляя смешок. Это было неловко, но сейчас не время думать о нежных и ранимых чувствах. Сама отправляюсь в ванную и смыв с себя всё, что только можно, около десяти минут кружу перед зеркалом, разглядываю себя со всех сторон. Вроде не заражена.

Эта ночь оказалась самой шумной из всех, которые я помню в Дрим Сити. Визги шин, крики людей, лай собак, звуки битого стекла. Я вздрагиваю от каждого, пока усталость не берет своё, и я не проваливаюсь в сон, в котором снова убегая от беспощадной миссис Рипли.

Глава четвертая

От громкого визга я практически сваливаюсь с кровати. За окном вопит сирена. Что она означает? Выбегаю в коридор, в этот момент дверь розового ада тоже распахивается, и оттуда выглядывает испуганная Лекса. Идем в гостиную, где обитает мама, а на данный момент на раскладном диванчике расположился Лари.

Сирена продолжает вопить, а я со страхом иду к заклеенному окну. Туман просочился в квартиру, но за окном и вовсе царит ужас. Не видно ничего. Абсолютно ничего, только серое полотно тумана.

– Лекса, включи телевизор, – прошу сестру, а сама не могу перестать смотреть в окно. Беспроглядно и жутко.

Сестра включает телевизор, я отлепляюсь от окна и сажусь на диван рядом с Лари.

В новостях всё тот же мужчина с белоснежными зубами, вот только теперь он вещает не из студии, а... из дома? Он не причёсан и, видимо, это прямой эфир, ведущий смотрит в экран телефона и снимает себя на другой телефон.

– Если вы слышали сирену, то ситуация в нашем городе критическая, все заводы, магазины, аптеки и прочая инфраструктура пока прекращают свое действие. Единственное, что на данный момент остаётся в рабочем состоянии – полиция, скорая и пожарные. Но убедительно прошу вас, не вызывать никого из этих структур по мелочам. Это очень важно и в случае ложного вызова вам будет выписан штраф в размере от тридцати тысяч долларов.

– Ого, – выдыхает Лари.

Ведущий продолжает:

– Оставайтесь дома, ни в коем случае не покидайте защищенных стен и теперь за новостями можно будет следить только через наш официальный аккаунт. Это последнее вещание через экран телевизора. Власти города и страны стараются разобраться в происходящем и найти пути решения. Мы надеемся, что вскоре всё встанет на свои места, и мы продолжим жить так же, как и до появления тумана.

Мужчина тянется к телефону и вырубает его.

Как всегда, одна вода и никакой конкретики.

– И что мы будем делать? – спрашивает Лекса.

– Сидеть дома, – говорит Лари.

– Будем сидеть, пока есть такая возможность, – подтверждаю я слова Лари. – Лекса, позвони папе, нужно как-то до него достучаться. Лари, когда твоя семья должна вернуться?

– По идее, завтра, – отвечает он. – Я вчера созванивался с отцом, и он сказал, что они остановились в мотеле и будут пережидать туман, так что думаю их прибытие затянется.

– Ладно, нам нужно поесть и... подумать, что ли.

Лари уходит на кухню, а я остаюсь на диване. Что же делать? У нас есть возможность не выходить из дома примерно неделю. Точнее, шесть дней. Потом у Лексы закончится лекарство. И нам придется покинуть квартиру. Или нет? Я могу вызвать скорую. Так сказали по телевизору.

Следующая мысль приходит неожиданно. Нужно собрать вещи. Надо приготовить рюкзаки на случай, если нахождение в квартире станет невозможным.

Что за случай?

Я не знаю. Но нужно подготовиться как следует. Пусть лучше не понадобится, чем наоборот. Заставляю Лексу распаковать свой чемодан с ненужными вещами, такими, как пластырь, косметика и подобные девичьи радости. Удивлена, но Лекса вообще не спорит, она полноразмерно признаёт моё главенство в нашей небольшой компании перепуганных подростков.

– Лари, ты на машине? – спрашиваю я друга, который по-прежнему находится на кухне.

– Да, отец мне голову открутит за то, что я вообще её взял.

Не хочу думать о печальном, но есть вероятность, что Лари больше не увидит своего отца. Он может заразиться туманом или же, наоборот, попасть под прицел какого-то зараженного.

В квартире мы проводим два дня. Не выходим за пределы и постоянно проверяем соцсети и окна. В интернете, словно кролики, плодятся ужасающие видео. Теперь я не на шутку боюсь тумана, который уже спустя два дня всё так же непроходимой стеной стоит на улицах нашего города. С каждым часом в Дрим Сити становится тише и тише. Теперь мы куда реже слышим крики с улицы, но каждый вечер в девять часов вопит сирена.

Мама так и не вернулась. Дозвониться до неё я не могу. Надеюсь, с ней всё в порядке. Лекса ведет себя тихо и практически не выходит из комнаты. Лари не отходит от меня ни на шаг. Его семья, которая состоит из мамы, папы и Лари, довольно счастливая, но, кажется, что Лари остался один. Он не показывает мне свою нервозность, но я вижу, с какой частотой он пытается дозвониться до родителей. Безрезультатно. Сотовая связь вообще работает странно, ведь я смогла дозвониться до Билли, и он сказал, что бар закрыт, вплоть до того, пока власти не снимут карантин и сирена не перестанет наводить ещё больший ужас каждый вечер.

– Алекс? – окликает меня сестра.

Иду в её комнату и останавливаюсь на пороге. Лекса поднимает на меня взгляд уставших глаз и говорит:

– Я ошиблась.

– В чём?

– Я ошиблась, – снова повторяет она и хлопает носом.

Боже, хватит лить слёзы!

Бросаю взгляд на прикроватную тумбочку и вижу её красную аптечку.

– На сколько ещё осталось? – спрашиваю я.

– Не осталось. Я приняла последнюю дозу.

Твою мать!

– Хорошо, – говорю я и быстро ухожу к себе в комнату.

Запираю дверь и сажусь на пол возле неё. Мне словно нечем дышать. Я не хочу выходить из дома. Я боюсь. Мне страшно до ужаса. Пересмотренные видео с нападением людей на людей не способствуют успокоению.

– Алекс, ты там как? – спрашивает Лари из-за двери.

– Всё норм.

– Я пойду с тобой.

Мой дорогой Лари, ты даже не подозреваешь, насколько я рада тому, что ты рядом.

Я не знаю, что делать! Почему я вообще должна что-то решать? Предпринимать и думать? О, Боже! Я не хочу этой ответственности. Где мама? Где папа? Это они должны о нас заботиться! Я злюсь и чувствую, как руки начинают дрожать.

Я не выйду за проклятую дверь!

Мне придётся.

И я не уверена, что вернусь. И это поистине страшно.

В этот раз я не беру рецепт на лекарство, так как уверена, что он не пригодится. Законы жизни отныне другие. С трудом заставляю себя подняться, надеваю ветровку, снова заматываю лицо тонким шарфом и выхожу в коридор. Лари уже ждет меня, он, как и я, спрятал нос и рот под плотную ткань банданы, остались только глаза, но их достаточно, чтобы понять – Лари напуган не меньше меня. Но он со мной, и это важнее всего. Не думаю, что смогла бы выйти за дверь в одиночестве ещё раз.

Лекса стоит рядом с Лари и заламывает пальцы на руках.

– Ты не виновата, – говорю ей я.

– Я должна была знать, что лекарства осталось мало. Я обуза...

– Лекса, прекрати, в тот раз я бы его все равно не достала.

Оставляю Лексе предыдущие наставления. Мы с Лари выходим из квартиры, и я сама не понимаю, как хватаю друга за руку. Лари сдавливая мои трясущиеся пальцы, и мы начинаем медленно спускаться вниз. Туман уже завладел домом. На лестнице практически не видно ступеней, я скорее двигаюсь по памяти и мысленно молюсь не встретить никого из соседей. Что делать, если они заражены? Бежать, Алекс. Ты должна будешь бежать так быстро, как никогда ранее не бегала.

Выходим из дома и оглядываемся по сторонам.

Возле мусорного бака, словно ничего и не произошло, всё так же сидит Стив. Он машет мне рукой, и я киваю, но стараюсь как можно быстрее отойти от него. Слева раздаётся треск стекла, а потом оно и вовсе выпадает. Это соседний дом. Я его не вижу, но по звуку могу определить, где именно квартира лишилась окна.

– Давай на машине, – говорит Лари, и я киваю.

У меня и в мыслях не было идти пешком.

Заходим за дом, и я оказываюсь в машине в мгновение ока. Захлопываю дверь и держу её. Лари садится следом, и пару мгновений мы смотрим в лобовое стекло. Лари заводит машину, но фары не в силах пробить туман. Свет врезаётся и словно растворяется в серой стене.

– Я не смогу ехать, – говорит Лари.

– Сможешь. Пешком мы не пойдём.

– Я могу кого-то сбить.

– Едь медленно, – прошу его я.

Боковым зрением замечаю, как друг кивает.

Машина вырывается на дорогу, и на капот тут же бросается женщина. Я взвизгиваю, Лари давит на тормоз.

– Какого черта! – кричу я и хватаюсь за сердце.

Женщина в маске, и она неистово рыдает. Глаза красные, а маска, прикрывающая лицо наполовину пропитана слезами и кровью.

– Помогите мне!

– Она просит помощи, – говорит Лари, вцепившись в руль как в спасательный круг.

– Я слышу.

– Моя малышка! Они забрали её! Я не могу... – женщина садится на асфальт прямо перед капотом, – я не могу.

Я проклиная себя, а точнее мою правую руку, которая тянется к ручке на дверце машины. Щелчок, и я выхожу на улицу. Женщина продолжает рыдать, не вижу её из-за капота, только душераздирающие звуки скорби и безысходности. Лари тоже покидает салон и первым подходит к женщине. Слышу, как сбивчиво она объясняет Лари свою боль.

– Они забрали Габи, они забрали мою малышку, и я не знаю, что делать.

– Кто забрал?

– Мой муж и его мама, они... они заразились, но я заметила это только час назад. Я звонила в 911, но там никто не поднял трубку. И я... я решила уйти. Не знаю куда, но они стали вести себя странно. Рэнди, мой муж он стал... я не могу... помогите мне.

– Где ребенок? – спрашиваю я.

Женщина поднимает на меня взгляд и указывает на дверь дома, что напротив моего. Я не очень внимательна к соседям, но бросить женщину в таком состоянии я тоже не могу. Не настолько моя натура эгоистична. А что, если мне когда-то понадобится помощь? Я хочу, чтобы нашёлся человек, который придёт мне на выручку, а не безразлично пройдет мимо.

– Там, на первом этаже, – говорит рыдающая мать, и я вижу на ней кровь.

Её одежда и руки.

– Вы ранены? – спрашиваю я.

Женщина смотрит на себя и начинает реветь ещё сильнее.

– Мне пришлось защищаться, иначе они... они бы...

Лари помогает женщине подняться, и она, спотыкаясь, идёт к двери. Мы с другом переглядываемся и идём следом. И только тут я замечаю в его руке нож. Мой кухонный нож.

– Мы можем уйти, – говорю я.

Лари отрицательно качает головой и шепчет:

– Нет, не можем.

Храбрость, безусловно, достойное чувство, но оно опасно. Тем более сейчас, когда доверять никому нельзя.

Входим в дом и останавливаемся у приоткрытой двери. Единственное, что я слышу, – это детский плач. Малышка рыдает так, что её голос уже давно охрип.

– Там, – говорит уже не рыдающая мать, и Лари, собрав всю силу воли в кулак, распахивает дверь и тихо перешагивает порог.

– Стойте здесь, – говорю я женщине и сглатываю колющий, пропитанный ядом ком.

Иду следом за Лари. Мы безошибочно движемся в дальнюю комнату, откуда и слышится плач.

– Лари, – шепчу я.

Парень оборачивается, и я указываю на белоснежную стену коридора с кровавыми следами. Меня начинает трясти, так сильно, что зубы стучат друг о друга, и я боюсь, что именно этот звук привлечет внимание зараженных домочадцев. Женщина сбегала отсюда, хватаясь за стены и марая их кровью. Даже не представляю, как ей было страшно.

Идём дальше и останавливаемся только перед дверью, за которой плачет девочка.

Лари оборачивается и смотрит на меня испуганным взглядом.

– Алекс, если что беги.

Как бы я хотела сказать, что не оставлю его одного, но я в этом не уверена. Страх настолько сковал меня, что я ни в чем не уверена. Киваю и восхищаюсь собранностью Лари. Как бы ему не было страшно, он идёт вперед. Друг открывает дверь, и я уже готова бежать, но заметив, как руки Лари опускаются вниз, заглядываю за плечо друга.

Ужас.

Шок.

Женщина в возрасте лежит в центре комнаты на спине. Её руки и ноги раскиданы в стороны, в животе торчит толстая рукоять кухонного топорика. Недалеко от неё... голова мужчины... а тело в углу. Маленькая девочка сидит на диване, пропитанном кровью, и рыдает, держа в руках маленького плюшевого мишку.

Комната начинает вращаться, и я, не выдержав, спускаю шарф с лица. Меня рвёт прямо под ноги.

Щелчок дверного замка, как залп пушки в тишине.

– И вы хотите забрать мою малышку! – кричит женщина.

Лари хватается за руку и затаскивает в комнату с... трупами.

– Это она, – говорит он и запирается изнутри. – Это она убила их.

Стараюсь не смотреть на ужас, что творится в комнате и иду к маленькой девочке. Малышка настолько уревелась, что начала икать.

Первый удар в дверь выбивает у меня почву из-под ног. Второй заставляет планету снова вращаться. Как бы я не старалась не смотреть на тела, но мои глаза сами опускаются вниз, и я замечаю на голых руках женщины круглые укусы... человеческих зубов.

Нет-нет-нет! Она же не кусала их?! Мать девочки решила... я даже не могу додумать мысль.

Глаза сами находят окно. Беру стул, замахииваюсь и бросаю его. Стекло с пронзительным звоном разлетается по комнате. Беру какую-то куртку, что валяется на полу, и ей сбиваю остав-

шиеся осколки, которые торчат со всех сторон, словно пасть акулы. Перевешиваю куртку через окно и оборачиваюсь.

– Лари, уходим! – кричу я, и мой голос срывается на писк.

– А девочка? – спрашивает он, держа дверь.

– Что нам с ней делать?

– Не знаю, но... но ты только представь, что она может сделать с ребенком?

Озноб проходит по коже, и я, перешагнув голову мужчины, подхожу к девочке.

– Привет, – зачем-то говорю ей я.

Ребенок не реагирует на меня. Она даже не смотрит в мою сторону. Всё внимание малышки приковано к картине на полу.

– Просто возьми её! – кричит Лари, и в этот момент дверь возле его головы прорезается широкое лезвие. Это кухонный топорик. Таким же, который до сих пор покоится в теле бабушки ребенка.

– Алекс! Ну же!

Поднимаю малышку на руки, она даже не сопротивляется. Её мать за дверью вопит, как фурия, Лари кричит, подгоняя меня, а я, что я? Я уже перелезаю через окно. Прижимаю к себе малышку и спрыгиваю на землю. Нога подгибается, и я тут же вскрикиваю от боли в лодыжке. Лари опускается возле меня, забирает из моих рук ребенка и вручает мне нож. А потом мы бежим к машине. Забираюсь внутрь, а Лари уже передает мне девочку, заводит машину, и мы уезжаем в сторону супермаркета.

– Боже, Лари, что это было?

Меня начинает трясти ещё больше, чем минуту назад. Адреналин заставляет тело реагировать на опасность первобытным способом.

– Я не знаю, но стоит опасаться всех. Вот чёрт! Ты это видела?

Да, видела. Прикрываю глаза и откидываю голову назад.

– Она замолчала, – говорю я, кивая на девочку, что сидит у меня на руках.

Лари бросает на нас беглый взгляд и сообщает:

– Она спит.

Неудивительно.

Проезжая по знакомому мне району, замечаю, что туман становится более слабым. Теперь я могу рассмотреть брошенные машины и бродящих людей, которые, к счастью, не бросаются на машину. Изредка встречаются те, которые выглядят нормальными, но я в это слабо верю. Ведь плачущая мать тоже выглядела нормальной, а оказалось мясником в юбке.

О, Боже, да я не могу думать о той квартире и не содрогаться. Все фильмы ужасов, что я видела ранее, не сравнятся с той картиной, что навеки запечатлелась у меня в памяти.

– Алекс, мы приехали, – говорит Лари, и я поднимаю взгляд на супермаркет. Окна выбиты, двери распахнуты, внутри темно, как и на улице. Лари выходит и забирает у меня из рук девочку и укладывает её на заднее сиденье машины. Выхожу из автомобиля и жду, когда Лари запрет машину. Медленно идём к разграбленному супермаркету. Думаю, дела в центре города обстоят лучше, чем здесь. Тут и до тумана были грабежи и нападения.

– Дай мне, – говорит Лари и протягивает руку.

Я и забыла, что держу нож мертвой хваткой.

– Держи.

Идём к супермаркету, навстречу к нам выходят трое. Они не обращают на нас внимания и бегут прочь. Поддаваясь панике, мы тоже ускоряемся и вбегаем в темное помещение. Лари включает фонарик на телефоне, и мы, переступая через пустые коробки и разбросанный товар, идём в сторону аптечного пункта. И тут тоже разбита витрина. Пробираюсь сквозь осколки и разбросанный товар, роюсь в холодильниках, с трудом нахожу нужное лекарство и сгребаю всё в рюкзак.

Выходим в супермаркет, и меня осеняет.

– Лари, – зову я друга, который шагает впереди.

– Что?

– Нам нужна детская еда. Сколько девочке лет?

– Года два, наверное.

– Что они едят?

– Эммм. Не знаю.

Не сговариваясь, шагаем к полкам в детском отделе. Забываю оставшуюся половину рюкзака всевозможными банками с детской смесью, Лари набирает чего-то в корзину, и мы выходим из супермаркета.

Запираемся в машине и медленно едем домой. Девочка так и не проснулась.

В крови сбавляется бушующий адреналин, но успокоиться у меня получается только лишь когда я оказываюсь дома и запираюсь в своей комнате. И буквально через минуту меня накрывает ужасом прошедших пары часов.

Вернуться нам удалось без происшествий, но то, что было в той квартире...

Забившись в угол комнаты, я начинаю беззвучно рыдать. Закусываю губу до крови, успокоиться я не могу вплоть до утра. Заботу о девочке взял на себя Лари, Лекса была просто рада нас видеть и не задавала вопросов, даже о чужом ребенке, испачканном кровью.

И всё один и тот же вопрос стучит мне по нервам.

Что мне делать дальше?

Как выжить, когда каждый может оказаться опасным. Даже я.

Глава пятая

Утро следующего дня стало куда более ужасным, чем весь предыдущий период с появления тумана.

В восемь утра ко мне в дверь кто-то долбится. И даже не разлепив глаза, я уже знаю, что это сестра. Именно так она будила меня, когда мы жили вместе.

Встаю, подхожу к двери и отпираю её, в комнату влетает Лекса и с сияющими глазами трясет моё сонное тело.

– Алекс, папа позвонил!

– Что? – спросонья спрашиваю я и бросаю взгляд в сторону заклеенного окна. Туман никуда не делся. Более того, наша импровизированная защита не спасла от него квартиру. Туман везде.

– Папа, папа позвонил! Он сказал, что со связью беда.

Как неожиданно.

– Кроме очевидных вещей, он сказал ещё хоть что-то?

– Нам нужно добраться до севера города, там есть коттеджный посёлок. Друг папы, или не друг, ну в общем нам нужно найти дом Говарда Минча, он увезет нас к папе, а там...

– Стоп, что?! Папа хочет, чтобы мы преодолели весь город, кишачий сумасшедшими? Это невозможно.

– Возможно.

Лексе легко говорить, она не видела изувеченные трупы. Она не сбегала через окно от зараженной женщины, которая жесточайшим образом убила большую часть своей семьи. Лекса не пробиравась сквозь завалы супермаркета и не воровала продукты и лекарства.

Она даже не подозревает, настолько ужасен мир за дверью квартиры.

– Почему он сам или этот его Минч нас не заберет? – спокойно спрашиваю я, но в душе злюсь на папу. Он словно специально бросает нас на амбразуру.

– Папа не может, он сейчас на закрытой территории... Алекс, не злись, он старается.

– Ты сказала ему, что мы не одни? Что, кроме нас, ещё Лари и ребенок?

– Да. А ещё я сказала, что с нами мама и Зари. Мы должны найти их.

Мама.

Мама, которая так и не вернулась.

Зари, который... да плевать мне на него. Пусть этот щёголь сам о себе заботится.

– Лари знает о звонке папы? Ты сказала ему? – спрашиваю я.

– Нет. Он уснул недавно. Девочка плакала всю ночь, но сейчас всё нормально.

Выходим из моей комнаты, и я заглядываю в гостиную. Лари спит на спине, рядом с ним лежит Габи. Она больше не измазана в крови. Чистая и переодетая. Лари прихватил из супермаркета даже одежду. Пусть она немного велика, но я об этом даже не думала. Со стрессом Лари справился лучше меня.

– Смотри, – шепчет за моей спиной Лекса.

– Что там?

Она даёт мне один наушник и включает на телефоне очередное видео. Меня уже тошнит от них, но сейчас лучше знать всё, что только можно, ведь это может спасти нам жизни.

Боже, спасти жизни... Такая формулировка стала слишком частым гостем в моей голове. Ещё неделю назад я даже не могла подумать, что мир изменится настолько, что людям придётся встретиться лицом к лицу с самым темным уголком чистилища.

Откидываю пессимистичные мысли и склоняюсь над телефоном.

На экране девушка, ей примерно двадцать лет. Она хлопает носом и сбивчиво объясняет, что её собака сошла с ума и стала бросаться на хозяйку, то есть на автора видео. Девушка

показывает укус на руке и продолжает говорить, сквозь мат и ругань легко понять, что она винит в произошедшем туман. Девушка подходит к двери, и оттуда слышен скрежет когтей по покрытой лаком поверхности и истошный вой собаки.

– Выходит, туман действует не только на людей, – говорит Лекса и убирает телефон.

– Видимо, это так.

Вынимаю наушник, и мы проходим на кухню. И в этот момент начинает мигать свет, и от этого моя душа уходит в пятки. На улице по-прежнему слышны крики людей. Но с каждым днём их становится всё меньше и меньше.

– Алекс, мы должны сходить за Зари.

Включаю чайник и сажусь напротив сестры. Лекса, как всегда, выглядит идеально. Прическа – волосок к волоску. Легкий макияж и отутюженная одежда. Глядя на сестру, вовсе не скажешь, что за окном носятся зараженные люди и пытаются покарать тех, кто ещё не заражён.

– Я твоему Зари ничего не должна. Я его даже не знаю.

– Он хороший и чуткий. Мы встречаемся уже три месяца, просто я раньше не говорила о нём, хотела понять, что у нас всё серьезно.

– И ты поняла это через три месяца? – спрашиваю я, и в моём голосе отчетливо слышно нотки скептицизма.

– Да, он любит меня, а я его.

Насколько Лекса молода и наивна.

– Мама с папой любили друг друга почти шестнадцать лет, и что в итоге? А ты за три месяца поняла, что Зари любовь твоей жизни?

Серые глаза сестры начинают сверкать, но не от гнева или злости, кажется, что Лекса вообще не способна на такие эмоции. Ангелы не злятся.

Сестра практически плачет.

– Ты жестока, – говорит она.

Возможно. Но я не всегда была такой. Может я повзрослела или смена образа жизни изменила мои взгляды, но раньше я была больше похожа на Лексу, чем сейчас на себя. Я тоже когда-то верила в любовь и розовых единорогов. Но папа легко всего несколькими словами показал мне, что любви нет.

– Нет. Я не буду рисковать жизнью ради незнакомого мне парня. Если уж у вас такая любовь, почему он ещё не здесь?

Лекса не находит что мне ответить, и в этот момент закипает чайник. Наливаю нам чай, иду в комнату за телефоном и пытаюсь позвонить маме. Она не отвечает. Набираю Питеру, звонок переходит на автоответчик. Питер живёт рядом с притоном Хами. Но, видимо, нам придётся наведаться туда самим.

Мама, какое же неблагоприятное время ты выбрала для своих посиделок.

Жду, когда Лари проснётся, Лекса уходит к себе и без усталости пытается дозвониться до любви всей её жизни.

Почему, смотря на свою сестру, мне кажется, что я старше её не на один год, а на пять, и это как минимум?

Пытаюсь залезть в интернет, но у меня не получается.

Нет сети.

Отлично, то есть больше информации из телефона мы не получим?

Лари просыпается только через два часа, всё это время я перепроверяю собранные мной и Лексой рюкзаки. Вроде ничего не забыла. Хотя потом окажется, что что-то поистине важное я всё же не взяла.

– Ты как? – спрашивает друг, усаживаясь за стол.

Наливаю ему чай и пока нарезаю бутерброды, рассказываю о звонке отца.

– И что ты думаешь? – спрашивает он, внимательно вглядываясь в моё лицо.

– Я не знаю. Но думаю, нужно ехать. Сидеть в квартире не вариант.

Следующие слова Лари выбивают землю у меня из-под ног.

– Я не поеду с тобой, – говорит друг. – Моя семья скоро вернется.

Я ожидала, что он откажется, но всё же надеялась на обратное. У меня было время, чтобы подготовиться к разговору с другом. И я пускаю в ход не самые приятные аргументы.

– А если нет?

– Об этом я стараюсь не думать, – тут же отвечает друг.

Ставлю тарелку с бутербродами на стол и сажусь напротив Лари. В глазах собираются слезы, но я сдерживаю себя.

– Я без тебя не справлюсь, – признаюсь я. – Лари, ты мне нужен.

Друг внимательно смотрит мне в глаза, но не отвечает. Я продолжаю давить. Пусть я буду эгоистичной сукой, но я правда без него не справлюсь.

– Мы можем доехать до твоего дома и оставить там записку, – предлагаю я.

– Алекс, ты просишь меня о невозможном.

– Это возможно.

– Ты представляешь, что будет с моими родителями, когда они приедут домой и не обнаружат меня? Да они с ума сойдут.

– Я понимаю, но ещё я думаю о том, что ты можешь остаться тут один, а меня и Лексу явно убьют. Нам нельзя разделяться.

Лари съедает три бутерброда и в итоге молча уходит в гостиную, а потом я слышу, как он записывает родителям сообщение на автоответчик. Трижды. Он сделал это на сотовые родители и на домашний телефон.

Протяжно выдыхаю и сажусь на стул. Лари входит на кухню и смотрит на меня серьезным взглядом.

– Ты слышала?

– Да.

– Тогда собираемся и вперед.

Лари разворачивается, но я окликаю его. Он оборачивается и смотрит на меня своим самым спокойным взглядом, словно я только что не попросила его отказаться от семьи и выбрать меня.

– Спасибо, – искренне говорю я.

Он улыбается и идёт будить нового члена нашей неуклюжей команды. Облокачиваюсь о косяк и наблюдаю за Лари, он так аккуратно избавляет ребенка ото сна, словно делал это уже тысячу раз, а потом разговаривает с ней как со взрослой, спрашивает хочет ли она пить, есть или в туалет. Девочка не отвечает, но забирается к Лари на колени и обнимает за шею. Друг ловит мой взгляд и говорит:

– Она за всё время ничего не сказала.

– Может, ещё не умеет?

– Не думаю, она понимает меня, но... скорее всего она слишком испугалась.

Как и мы.

Человеческая натура склонна возвращаться мыслями к прошлому и думать, а что бы случилось, если бы я поступила иначе. Сначала я думала, что мы совершили ошибку, когда пошли за рыдающей матерью, но сейчас я уверена – мы сделали всё правильно. Я и Лари спасли ребенка. И это дорогого стоит.

Лекса выходит из комнаты и демонстративно не смотрит в мою сторону. Ну и ладно. Я не шутила, когда говорила, что не пойду на поиски и спасение её парня. Это слишком рискованно и страшно.

Сборы занимают у нас не больше двадцати минут. Заматываем себе лица, ребенку тоже. Стоя перед дверью, мы молчим.

– У меня нет детского кресла, – неожиданно говорит Лари.

Кошусь в его сторону и спрашиваю:

– Ты думаешь, нас оштрафуют?

– Нет, просто подумал об этом.

– Идём, – говорю я и сжимаю в руке кухонный нож.

Я ведь не смогу им воспользоваться, только если кому-то не будет нужна помощь с нарезкой хлеба.

Открываю дверь и выглядываю за пределы квартиры. Успеваю заметить, как угловая дверь справа быстро захлопывается. Выжидаю пять секунд и выхожу, открывая дверь полностью. Следом за мной выходит Лари с молчаливой девочкой на руках и сумкой за спиной. Потом Лекса с рюкзаком и небольшой сумкой, куда мы скидали зарядки и запасные аккумуляторы. Кто знает, вдруг связь появится. Прикрываю за сестрой дверь и запираю квартиру, встаю на цыпочки и прячу ключ над дверью в трещине, если мама появится, то она сможет войти внутрь при любом раскладе. Но сейчас единственный раз в жизни я надеюсь, что она находится в притоне у Хами. Туда-то мы сейчас и направляемся.

Лекса и Лари ждут меня, встаю первой, ещё сильнее стискиваю рукоять ножа и начинаю спускаться. Не могу понять, мне кажется или туман стал не таким густым? Доходим до третьего этажа, и дверь миссис Рипли начинает открываться. Душа уходит в пятки, и я кричу Лари и Лексе:

– Бегите!

Одновременно происходит несколько вещей. Дверь квартиры номер восемнадцать открывается настежь и силой ударяется о стену, Лекса и Лари скрываются из вида, а девочка начинает плакать. Тучная фигура миссис Рипли закрывает собой практически весь дверной проём, а потом старушка бросается на меня. Она прыгает с места как животное и сбивает меня с ног, но, к счастью, соседка переваливается с моего костлявого тела. Видимо, новая сила ещё не изучена ею, и я не желаю становиться подопытным кроликом.

Встаю и бросаюсь к ступеням. За спиной раздается странное топанье, и я совершаю ошибку.

Я оборачиваюсь.

Миссис Рипли бежит на четвереньках, я вскрикиваю, но в этот раз мне не везет, и она снова сбивает меня с ног. Секунда парения в воздухе, из-за сильного удара наши сплетенные с миссис Рипли тела переворачиваются в воздухе. Падаем на ступени примерно в середине лестницы. Оказываюсь на мягком теле миссис Рипли, скатываюсь с неё и кубарем продолжаю движение дальше до самой стены.

Адреналин безошибочно поднимает меня на ноги и вопит: "Беги!". Перепрыгиваю три ступеньки за раз и, оказавшись на втором этаже, слышу шипение, словно огромная трехглавая змея открыла свои пасти и высунула раздвоенные языки. Больше я не совершаю былой ошибки и не оборачиваюсь. Со скоростью света оказываюсь на первом этаже и выскакиваю на улицу. Я потеряла и нож, и рюкзак. Прижимаюсь спиной к двери и в этот момент миссис Рипли на полном ходу врывается в деревянную поверхность с той стороны. Меня немного откидывает в сторону, но я тут же снова прижимаюсь спиной к преграде. И что есть силы кричу:

– Лари! Лари, машину сюда!

Миссис Рипли снова врывается в дверь, но в этот раз я отлично уперлась ногами в землю, и ей не удаётся сбить меня с ног.

Замечаю слева фары, они прорезают туман, и я жду, когда машина подъедет ближе. Миссис Рипли снова врывается по ту сторону баррикады. Машина всё ближе и ближе. Лари открывает пассажирскую дверь прямо на ходу.

Ворох тряпья у мусорного бака начинает шевелиться, и оттуда выглядывает Стив. По его лицу волнами идет рябь в виде каких-то паразитов. Заражён. Он заражён!

Три секунды, и Стив бросается на меня, я оставляю дверь, в которую как раз врзается миссис Рипли, женщина вываливается и падает на землю, а вот Стив успевает схватить меня за ногу и впиться зубами в лодыжку. Ногу обдаёт огнём. Дергаю конечность на себя, вскакиваю на ноги и прыгаю в машину. Захлопываю дверь и ещё около десяти минут держусь за неё. Где-то в отдалении я слышу голоса Лексы и Лари, но не могу разобрать ни одного звука, они словно глотают слова. Всё, о чём я могу думать, это моя лодыжка. Стив укусил меня.

Твою мать!

Укусил!

Меня укусил человек.

Отцепляюсь от двери и поворачиваюсь к Лари, который медленно едет по улице. Если не знать, что сейчас около двух часов дня, то невозможно понять сколько времени.

– Алекс! Ответь же нам! – уже кричит друг.

– Не отвлекайся от дороги, – говорю я.

Смотрю на заднее сиденье, Лекса с выпученными глазами сидит по центру, на руках держит девочку, Габи больше не плачет.

Возвращаю внимание на Лари и тихо говорю:

– Лари, меня укусил Стив.

– Я видел, – говорит друг и сжимает руль.

– Я что – стану такой же, как и они?

В разговор вступает Лекса.

– Алекс, не глупи, мы не в каком-то фильме ужасов. В сети и по ТВ не было ни одного упоминания о том, что вирус T001 передается через укус, кровь или соприкосновение. Там было сказано только о воздушно-капельном переносе заразы. Всё будет нормально.

Лекса успокаивает больше себя, чем меня.

– Спасибо, – говорю ей и наклоняюсь вперед.

Смотрю на место укуса и вижу, что кожа немного скорябана. По укусу легко определить, что у Стива не все зубы на месте. В голове всплывают образы из квартиры малышки, её мать покусала тела. Не знаю, были они ещё живы или нет, но это уже второй раз, когда зараженный пытался укусить. Чёрт! Укусить...

Даже если Стив не заразил меня T001, то явно я стала обладателем какой-нибудь другой заразы.

Прогоняю в голове поведение миссис Рипли и Стива, я не могу понять, почему второй бросился на меня. Если верить ранним словам из сети, то зараженные взрываются и теряют голову из-за мелочей. Миссис Рипли думала, что я стырила её лампочку, а вот Стиву я ничего плохого не сделала. Никогда.

Меня начинает тошнить, а голова словно набита ватой. Я бы попросила Лари остановиться, но это опасно. Затуманенным сознанием я вижу, что чем ближе мы продвигаемся к притону Хами, тем печальней выглядит город. Здесь таких, как Стив, полно, а о мусорных контейнерах местные слышали разве что по радио. Оказываемся в самом неблагополучном районе Дрим Сити. Убогом и жалком. Что-то подсказывает мне, что вскоре так будет выглядеть весь мир.

Мне становится жарко, и я стягиваю с лица шарф, который неизвестно как остался у меня на голове. Воздуха не хватает, и я начинаю его хвать непозволительно огромными порциями.

– Алекс? – спрашивает Лари и останавливает машину.

– Лекса, дай воды, – прошу я сестру и трясую головой, стараясь отогнать помутнение рассудка.

В руках появляется бутылка, и я выпиваю практически половину.

Со мной что-то не так.

Это всё поганец Стив виноват!

Успеваю передать бутылку Лари и отключаюсь.

Глава шестая

Открываю глаза и упираюсь взглядом в лобовое стекло. Туман. Я в машине. Жива.

– Алекс, ты как? – спрашивает Лари и прикладывает мне ладонь ко лбу.

– Я... хорошо.

Сажусь более удобно и бросаю взгляд через плечо. Лекса открывает бутылку с детской водой и помогает малышке попить, но смотрит она только на меня, и её нижняя губа снова трясется.

– Я долго... спала?

– Примерно минуту, – говорит Лари и протяжно выдыхает. – Но за эту минуту я посидел на десятки лет. Что это было?

– Не знаю, скорее всего это из-за укуса Стива. Мне вдруг стало жарко и тошно, голова закружилась, а потом, я, кажется, потеряла сознание. Или это от испуга. Я не знаю.

– А сейчас как себя чувствуешь? – спрашивает Лекса.

– Хорошо.

Смотрю на укус Стива, он на месте, и вокруг отметин зубов стал появляться небольшой синяк.

За окнами машины изредка проходят люди. Вот только неизвестно, заражены они или нет. Мне даже неизвестно, заражена ли я, но об этом подумаем позже.

Лари заводит машину, и мы медленно проезжаем квартал за кварталом. Кажется, что город умирает, но по-прежнему старается выкарабкаться из бездны под красивым именем Туман.

Наша машина не единственная, что движется по полупустым улицам. Есть и другие, но они едут куда быстрее, чем мы. Заворачиваем за последний поворот, и я мысленно чертыхаюсь. На пути стоит машина. Она перегораживает нам проезд так, что ни с одной из сторон её объехать невозможно. За машиной находится дом Хами. Рукой подать, но мне жутко только от того, что снова придется оказаться на улице.

– Придется идти пешком, – говорит Лекса.

Да, придется, но только не тебе.

– Я один схожу, – говорит Лари и отстёгивает ремень безопасности.

– Нет! – протестую я. Даже думать не хочу о том, что он уйдет один. – По жанрам ужасов стоит героям разделиться, как всё катится к чертям.

– Но мы не в фильме, – возражает Лари.

– Но мы в ужасе, – тут же отвечаю я.

Лари бросает на меня короткий взгляд и говорит:

– Тут ты права.

Да я почти всегда права.

– Идём вместе, – говорит Лари.

Ждём, когда ещё одна блуждающая фигура проходит мимо машины, и я оборачиваюсь к Лексе.

– Пока нас не будет, ты должна развернуть машину. И ни в коем случае никого не пускай в салон, а сама не выходи на улицу.

– Хорошо, – говорит сестра и тут же спрашивает. – Мы поедем за Зари?

Не отвечаю на этот вопрос и киваю Лари. Одновременно выходим из машины. Лари обходит автомобиль и открывает багажник, достаёт оттуда битую гаечный ключ. Ключ подает мне, битую оставляет у себя. Лекса пересаживается за руль, и как только Лари закрывает багажник, сестра начинает разворачивать машину.

Идём к нужному нам зданию, я то и дело морщусь от боли, стычка с миссис Рипли и Стивом не прошла бесследно. На затылке шишка размером с грецкий орех, руки стерты от встречи с асфальтом, колени скорее всего содраны даже сквозь джинсы.

До двери остаётся не больше десяти шагов, и я начинаю волноваться ещё сильнее. И в данный момент надо мной довлеет страх не зараженных, а того, в каком виде я найду маму. Найду ли вообще. И что делать, если мы не найдём её? Уезжать к папе? Там тоже все сложно, но, пройдя предыдущие испытания, я всё больше становлюсь уверенной, что нам под силу преодолеть город и оказаться в его северной части. Именно там живут сливки нашего города. Юг для отбросов – таких, какими стали мы с мамой, семья Лари, Питер, Билли и многие другие.

Дверь открывается ещё до того, как Лари успевает толкнуть её. Оттуда выходит девушка, её руки оголены, и я вижу, как под ними происходит хаотичное движение. Сжимаю сильнее ключ, но мы молодой заражённой неинтересны. Она даже не смотрит на нас, а бодро шагает мимо с таким уверенным видом, словно где-то там её ожидают неотложные дела.

Кислород поступает в мои лёгкие, только когда девушка уходит за пределы нашей видимости. Господи, как это всё странно. Какие-то зараженные бросаются на нас, а кому-то мы неинтересны, третьи вообще заманивают в ловушку. Было бы куда проще, если бы они все вели себя одинаково.

Входим в дом, и я морщусь от вони. Как мою маму, которая посещала званые вечера и сидела в первых рядах на показе мод, стала прельщать жизнь в этом богом забытом месте, из которого даже крысы бы сбежали?

Я даже не надеялась, что в коридоре будет какое-то освещение, идём на второй этаж, и я собираюсь постучать в нужную мне дверь, но Лари перехватывает мою руку и отрицательно качает головой, кивает на дверь, она слегка приоткрыта.

С верхнего этажа разносится какой-то топот, и мы быстро открываем дверь. Заходим в квартиру. Заваленный мусором коридор и единственная комната пусты.

Тут никого нет.

Везде валяются следы пребывания наркоманов. Иглы, шприцы и пустые пакеты из-под чего-то. Единственная мебель в комнате – это огромная старая кровать и наидревнейший комод, закрытый на щеколду.

– Её здесь нет, – тихо говорит Лари.

Стараюсь сдерживать слезы, но они все равно соскальзывают с ресниц. Теперь я не знаю, каков будет мой следующий шаг. Понятия не имею, где мама и жива ли она вообще.

Со стороны единственного окна слышен приглушенный стук. Потом ещё и ещё.

– Что это? – спрашиваю я и, аккуратно переступая мусор, иду в сторону звука.

Он повторяется и более интенсивно.

Страх сковывает тело, и я перекладываю металлический ключ с одной руки в другую.

Звук исходит не от окна, а из комода. И только сейчас я замечаю, что возле комода свалена груда старой одежды, словно её выкинули оттуда, а убрать не удосужились. Да и кто будет убирать в этом свинарнике?

– Надо уходить, – говорит Лари и берет меня за локоть.

– Минуту, – прошу я.

Подхожу к комоду и отодвигаю щеколду в сторону. Звук повторяется, я основательно набираю кислорода, открываю крышку и вскрикиваю.

– Мама?

Она лежит в неестественной позе, больше похожей на эмбриона. Во рту кляп, а руки связаны, ноги скорее всего тоже. Мама беззвучно плачет, и я наклоняюсь, чтобы помочь ей выбраться, но громкие голоса со стороны входа спугивают меня.

– Алекс, мы не одни, – говорит Лари и утягивает меня от комода.

Если дверь откроется, то мы будем как на ладони.

– Мама, я вернусь, – говорю я и прикрываю крышку, но не вставляю щеколду на место.

Единственное место, где мы с Лари можем спрятаться, – это кровать. Не думаю о тоннах грязи и всевозможного хлама, падаем на пол и забираемся под вонючее укрытие. Стараюсь лежать как можно тише, но сердце грохочет так, что становится дурно. Недалеко от моего лица лежит чьё-то нижнее бельё, а точнее трусы. Морщусь и поворачиваюсь к Лари.

Лари накрывает мою руку своей и сдавливает пальцы.

Голоса приближаются, и кровать над нами проминается. Я слышу ненавистный голос Хами и ещё одного мужчины. Но слов невозможно разобрать, словно они говорят на ломаном детском языке. Вроде и слова проскальзывают знакомые, но они абсолютно бессмысленные.

Поворачиваюсь к Лари и встречаю его взволнованный взгляд.

Я не знаю, что делают мужчины, но они то садятся на кровать, то начинают ходить по комнате. Я же молюсь о том, чтобы они не полезли в комод и не заглянули под кровать.

После недолгих хождений по комнате, Хами садится на кровать. Я знаю, что это он, потому что вижу его тату на икре. Кривые языки пламени... но сейчас картинка до невозможности реалистичная ведь кожа под рисунком шевелится.

Твою ж...

Прикрываю глаза и пытаюсь придумать, как нам выбраться отсюда.

Плана нет. Никакого. Минуты превращаются в часы, а Хами с дружкой всё никак не могут уговориться. Нам с ними не справиться. Что думать об этом, меня отделала старушка, а Хами не какой-то щуплый сопляк, это шкаф под два метра ростом. Он и меня, и Лари упакует вместе с мамой в комод за пару мгновений. Нам не поможет ни бита, ни ключ, что я сжимаю в руке.

Лари подносит свою руку к лицу и смотрит на часы. Показывает мне три пальца.

Мы здесь уже три часа. Тело затекло, а постоянный страх не даёт расслабиться ни на мгновение.

Я не знаю, что должно произойти, чтобы Хами и его дружок ушли отсюда. Сколько мама уже лежит в ящике? Боже, что они с ней делали? Как там Лекса и малышка? А что, если на них напали?

Сжимаю руку Лари немного сильнее, хотя его пальцы и так уже должны посинеть от моей хватки. Он поворачивается ко мне, но я не знаю, как сказать ему о том, что мы не можем лежать тут вечно.

Открываю рот, и в этот момент звонит телефон.

Мой телефон.

И он у меня в кармане джинсов.

Джинсы на мне, а я под кроватью...

Душа покидает тело, и я стараюсь достать трубку из кармана, но это уже не имеет значения.

Хами заглядывает под кровать и смотрит прямо на меня. Его рот в подсохших пятнах крови. Сначала ничего не происходит, а потом он улыбается. Улыбается так, что паническая пустота смыкается над моей головой.

Глава седьмая

Хами одной рукой вытаскивает меня и толкает в сторону комода. Падаю рядом с окном и сразу же пытаюсь подняться на ноги. Замечаю, как Лари выползает следом за мной, но дружок маминого наркодилера со странным смешком подтягивает Лари к себе и подняв его на руки бросает в стену, мой друг ударяется о неё и падает с глухим стуком на пол, бита выпадает из его рук. Дружок Хами поднимает биту и замахивается на Лари.

– Нет!

Бросаюсь к Лари, меня перехватывает Хами и одной рукой хватает за шею. Бью его по руке металлическим ключом, но ему плевать. Хами словно машина-убийца, которая не чувствует боли. На его лице написана невиданная мною ранее ярость. Пара шагов, и Хами прижимает меня к стене и поднимает за шею. Я больше не чувствую опоры под ногами. Воздуха недостаточно. В глазах мутнеет. Брыкаюсь как могу, стараюсь ногами оттолкнуться от поверхности за моей спиной, но ничего не выходит. Лицо Хами плывёт перед глазами, и я начинаю слабнуть. Легкие трясутся в попытках поглотить кислород, которого практически не осталось.

Он душит меня.

Убивает...

Слышу крик Лари, он полный боли и настолько пронзительный, что даже Хами отвлекается на мгновение. В последний раз пытаюсь выбраться, и моя левая нога пинает Хами по промежности. Он отпускает меня. Безвольным мешком падаю на пол и хватаюсь за горло. Отползаю в сторону Лари, он лежит без сознания, а его правая рука в крови.

Лари дышит. Да. Я вижу как его грудная клетка поднимается и опадает. Глаза застилают слёзы. Продолжаю ползти и зову друга по имени. Он не откликается.

До Лари мне добраться не суждено. Друг Хами поднимает меня за локоть и ставит перед собой. Я не вижу, чтобы под его кожей шевелилось что-то. В его руке бита и он замахивается ею на меня. Инстинкт самосохранения срабатывает, и я приседаю вниз, а потом слышу громкий хлопок и вовсе падаю на пол, прикрываю голову руками.

Ещё хлопок, что-то падает, а потом наступает тишина.

Слишком тихо. Нет ни шагов Хами и его друга, ни их странных смешков и слов невпопад.

Поднимаю голову и смотрю в дверной проём, там стоит мужчина в полицейской форме, в его руке пистолет, который он убирает в кобуру на поясе брюк.

– Александрия? – спрашивает он, и я быстро-быстро киваю. – Вас там сестра ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.